
Ирина Маколина
Королева города

Ирина Маколина
Королева города

https://litres.ru/74828978
SelfPub; 2026

Аннотация

КОРОЛЕВА ГОРОДА

Ирина Маколина

Начало 90-х. Время больших денег и новых правил, по которым ещё никто толком не научился жить.

У Майи нет богатых родителей и билета в мир красивой жизни. Зато у неё есть острый ум, безупречный английский и дерзость, на которую решится далеко не каждая. Немного фантазии и план почти безупречен. Пока на её пути не появляется обаятельный наследник лесной империи, от которого совершенно невозможно держаться подальше. Вот только за его красивой улыбкой скрывается своя история и спор на сто долларов, в котором Майя неожиданно становится главным призом.

Когда чужая игра превращается в настоящие чувства, становится опасно всем.

Сможет ли Майя удержаться на вершине мира, в который пробралась без приглашения? И что окажется сильнее — амбиции или любовь, которую никто не планировал?

«Королева города» — история о дерзкой авантюре, первой большой любви и девушке, которая решила взять от жизни всё. Даже если для этого придётся сыграть не свою роль.

Содержание

Глава 1 5
Ключи от новой жизни 5
Глава 2 9
Лифт на седьмой этаж 9
Глава 3 13
Цена английского глагола 13
Глава 4 16
Лето 16
Глава 5 20
Приемная завода «Амурточмаш» 20
Глава 6 24
Операция «Китайский пуховик» 24
Глава 7 28
Двойная жизнь «дочери судовладельца» 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Ирина Маколина
Королева города

Глава 1

Ключи от новой жизни

Тот августовский день девяносто первого навсегда врезался Майе в память запахом сырой известки в гулком новом подъезде, свежей масляной краски на перилах и прохладным речным ветром с Амура, который врывался в распахнутые настежь окна их первой собственной квартиры.

Девятиэтажка на Набережной стояла белым кораблем среди старых хрущевок. Завод «Амурточмаш» строил этот дом семь лет — долго, с перебоями, со скандалами на партсобраниях, и сдал в самый последний момент, когда сама страна уже трещала по швам, как переспелый арбуз. Для Светланы Николаевны, двадцать лет отдавшей сборочному цеху, эта двухкомнатная квартира на седьмом этаже была не просто квадратными метрами. Это был орден. Материальное доказательство того, что честный труд чего-то да стоит.

— Осторожнее с трюмо, мужики, зеркало не разбейте! — командовала Светлана Николаевна на лестничной клетке,

поправляя выбившуюся из-под косынки прядь.

Грузчики — двое крепких дядек из того же цеха, нанятых за две бутылки «Столичной» и домашние пирожки, — кряхтя, втаскивали советскую полированную мебель в прихожую.

Майя стояла посреди большой пустой комнаты и медленно кружилась вокруг своей оси. Ей было семнадцать. Вся жизнь впереди представлялась ей похожей на эту комнату: светлой, просторной, с высокими потолками и огромным окном, за которым во всю ширь разливался Амур.

Она подошла к окну, распахнула створку. В лицо ударил свежий речной ветер. Внизу, за полосой зеленого парка, катила свои свинцовые воды великая река, а на другом берегу синела тонкая полоска сопок. Солнце садилось, окрашивая воду в густой медный цвет.

— Красота какая, мам, — тихо сказала Майя, убирая за ухо тяжелую каштаново-ореховую прядь. — Будто мы на капитанском мостике.

Светлана Николаевна вошла в комнату, вытерла руки о передник и устало улыбнулась. Она смотрела на дочь с той тихой, щемящей гордостью, которую старалась не показывать на людях. Майя и правда была картинкой: высокая, точеная, с безупречной осанкой, выработанной за десять лет в ансамбле народного танца, со смуглой от природы кожей и большими, чуть раскосыми глазами цвета молодой хвои, в которых вечно плясали смешливые, дерзкие искры.

— На мостике, говоришь? — вздохнула мать, оглядывая

голые бетонные стены, заклеенные блеклыми бумажными обоями в мелкий цветочек. — Лишь бы этот корабль не пошел ко дну, дочка. В магазинах полки пустые, все по талонам, а по телевизору говорят, что со следующего года цены отпустят. Что с заводом будет — один бог знает.

— Ничего с ним не будет, — беспечно отмахнулась Майя, присаживаясь на край единственного пока принесенного стула и закидывая ногу на ногу. — А я через год в пединститут поступлю, на иняз. Выучусь на переводчика, буду с иностранцами работать. Куплю тебе шубу норковую и сапоги югославские, чтобы не на каблуке, а на танкетке, как ты любишь.

— Фантазерка ты у меня, Майка, — усмехнулась Светлана Николаевна, но в глазах ее потеплело. — Давай-ка лучше коробки с книгами разбирать. А то завтра первое сентября, десятый класс, а у тебя учебники еще в мешках лежат.

До позднего вечера они оттирали сосновые доски пола от засохших капель столярного клея и мелкой древесной пыли, расставляли по полкам томики Дюма, Лондона и толстые англо-русские словари. Дом вокруг жил странной, гулкой жизнью: где-то этажом ниже стучал молоток, в подъезде эхом отдавались чьи-то шаги, скрипели еще не притертые двери. Половина квартир пустовала — ордера выдавали партиями.

Когда мать наконец уснула в маленькой спальне, Майя вышла на балкон в одной длинной футболке. Ночной Хаба-

ровск светился редкими огнями. Ветер трепал выбившиеся из резинки пряди. Майя вдохнула полной грудью этот терпкий запах нового бетона, речной сырости и свободы. Ей казалось, что стоит только протянуть руку — и весь мир упадет к ее ногам. Она еще не знала, что за право стоять на этом капитанском мостике ей придется драться — зубами, ногтями и холодным умом.

Глава 2

Лифт на седьмой этаж

Утро первого сентября выдалось звонким и прохладным. Майя стояла перед зеркалом в прихожей, критически оглядывая свое отражение. Белый фартук поверх темного платья казался ей ужасно детским, почти смешным, но в десятом классе форму еще никто не отменял. Зато туфли были новые, кожаные, купленные матерью по блату в заводском отделе рабочего снабжения, и гладко расчесанные пряди блестели так, словно она только что вышла из парикмахерской.

— Ну, с богом, десятиклассница, — Светлана Николаевна перекрестила дочь быстрым, привычным жестом и сунула ей в сумку бутерброд с докторской колбасой, завернутый в вощеную бумагу. — Не забудь, после уроков сразу к репетитору на Карла Маркса.

Майя выскочила на лестничную площадку и нажала кнопку вызова лифта. Кабина зашумела сверху — кто-то спускался с верхнего этажа. Лифт в новом доме работал с ленцой — гудел, вздыхал, словно старик, и пах свежей машинной смазкой. На седьмом этаже он остановился, двери со скрежетом разъехались.

Внутри стояла девушка. Ростом примерно с Майю, с ко-

роткой модной стрижкой «под мальчика», смешным вздернутым носом и живыми карими глазами. На мир она смотрела с веселым, дерзким любопытством. На ней тоже был школьный фартук, но поверх него — дерзкая джинсовая куртка с закатанными рукавами.

— Привет, — первой сказала незнакомка, критически оглядев Майю с ног до головы, и вдруг широко улыбнулась. — Ого. А я думала, в этот дом одних пенсионеров-передовиков заселили. Меня Инна зовут. Я с восьмого этажа, мы вчера вечером только диван затащили.

— Майя, — ответила она, заходя в кабину и нажимая кнопку первого этажа. — А я из семьдесят первой.

— Значит, это вы вчера до полуночи шкафы двигали? Вся бетонная плита гудела, а я думала, полтергейст завелся, — рассмеялась Инна. Лифт дернулся и медленно пополз вниз. — Ты в тридцатую школу идешь?

— В тридцатую. В десятый «Б».

Инна театрально всплеснула руками и закатила глаза к потолку кабины:

— Да ладно! Серьезно? Меня мать тоже в десятый «Б» записала! Говорит, там классная руководительница — зверь, физичка, зато к институту хорошо готовят. Слушай, а ты как с физикой?

— Примерно как с китайской грамотой, — честно призналась Майя, чувствуя, как внутри разливается легкое, радостное тепло. Переход в новую школу в выпускном классе

пугал ее куда сильнее, чем она готова была признать. — Зато я по-английски шпарю почти как на родном. И сочинения пишу так, что русичка плачет.

— Считай, мы созданы друг для друга, — деловито заявила Инна, когда двери лифта открылись на первом этаже. — Я по химии и биологии гений, в мединститут на фармацевта пойду. Буду тебя от двоек по точным наукам прикрывать, а ты мне за это сочинения катать. Идет?

— Идет, — рассмеялась Майя.

Из подъезда они вышли уже так, словно знали друг друга всю жизнь. Осенний ветер с Амура гнал по новому асфальту первые желтые листья. Девчонки шли рядом — высокая, грациозная Майя и стремительная, острая на язык Инна в своей джинсовке.

В классе, куда они вошли за минуту до звонка, их действительно посадили за одну парту — третью у окна, единственную свободную. Физичка, строгая женщина в очках на цепочке, окинула новеньких цепким взглядом и бросила:

— Ну, посмотрим, что за пополнение с Набережной пришло. Надеюсь, не балласт.

Инна под партой незаметно ткнула Майю локтем в бок и шепнула, не меняя серьезного выражения лица:

— Слышишь? Мы не балласт. Мы — десант.

Майя закусила губу, чтобы не рассмеяться вслух. В тот момент она поняла, что в этом городе, в этой новой жизни у нее появился первый настоящий союзник. Союзник, с ко-

торым не страшно ни физичку пережить, ни целый мир на лопатки положить.

Глава 3

Цена английского глагола

Зима 1991–1992 годов обрушилась на Хабаровск не только сорокаградусными морозами с колючим амурским ветром, но и тяжелым экономическим сломом. Страна стремительно меняла кожу, и процесс этот был болезненным, как ожог. Второго января отпустили цены, и еще недавно казавшиеся надежными накопления Светланы Николаевны за одну неделю превратились в ничто.

На заводе «Амурточмаш» начался кризис неплатежей: зарплату стали выдавать с задержкой в два месяца, а иногда и вовсе натурой — то партией эмалированных кастрюль, то ящиками сгущенки, выменянными по бартеру в соседних регионах. Но каждую среду и субботу на кухонном столе неизменно лежали две хрустящие бумажки — плата за репетитора по английскому.

— Мам, ну хватит, я уже сама все знаю, — пыталась протестовать Майя, глядя, как мать перешивает себе старое драповое пальто, перелицовывая его наизнанку, чтобы скрыть потертости. — У меня «Диккенс» в оригинале идет без словаря. Давай лучше тебе сапоги купим, у твоих подошва отваливается!

— Сапоги подождут, я и в валенках до цеха добегу, — отрезала Светлана Николаевна, не отрываясь от иголки. — А тебе, Майка, высшее образование нужно. С языком ты в любой жизни не пропадешь. Учись, дочка, не жалей себя.

И Майя училась так, что к ночи в глазах плыли строчки. Спасало только одно — ансамбль народного танца при Дворце культуры профсоюзов. Трижды в неделю, бросив учебники, Майя летела через весь заснеженный город на репетиции.

Там, в огромном зеркальном зале, пахнущем канифолью, потом и старым паркетом, она оживала. Стоило только заиграть музыке, Майя вскидывала подбородок, расправляла плечи, ее волосы взлетали в такт дробному стуку каблуков, а в глазах загорался тот самый шальной огонь, от которого замирали зрители.

Парни из ансамбля — сплошь крепкие, плечистые ребята, умеющие в танце подбросить партнершу под самый потолок и поймать одной рукой, — заглядывались на нее, но подкатить с ухаживаниями не решались: боялись нарваться на ее острый язычок. Зато как друга и товарища по сцене ее обожал весь коллектив — и девчонки, и ребята. В этой танцевальной семье Майя была своей в доску: могла и за младших вступиться, и тяжелые кофры с костюмами на гастролях тащить наравне со всеми, а в гримерке так спародировать строгого балетмейстера, что вся труппа каталась от смеха.

Инна, приходившая иногда посмотреть на репетиции подруги, только качала головой:

— Слушай, Майка, с твоей пластикой и хамелеоньим талантом тебе не в переводчики надо, а в разведку. Или в театр. Ты же любую роль сыграешь — хоть боярыню, хоть уличную девчонку!

— В разведке мало платят, Инн, — усмехалась Майя, вытирая полотенцем разгоряченное лицо. — А мне маме норковую шубу покупать. Так что только иняз.

Весной выпускные экзамены в школе они сдали играючи: Инна прикрыла подругу на контрольной по физике, подсунув ей готовый листок с формулами прямо под носом у классной руководительницы, а Майя за двадцать минут накатала Инне такое проникновенное сочинение по «Войне и миру», что та получила твердую пятерку. Впереди оставался последний, решающий рывок.

Глава 4

Лето крушения надежд

Июль 1992 года в Хабаровске выдался душным и липким, как расплавленный гудрон. Воздух над городом стоял неподвижно, и даже от Амура не тянуло привычной прохладой.

В коридорах Хабаровского педагогического института яблоку негде было упасть. Абитуриенты с факультета иностранных языков жались к стенам, судорожно листая потрепанные грамматические справочники. Конкурс в тот год взлетел до небес: все вдруг решили, что профессия переводчика — это прямой билет за границу, в сытую и красивую жизнь.

Первый экзамен — устный английский — Майя сдала блестяще. Преподавательница с седым пучком на затылке слушала ее идеальное британское произношение с явным удовольствием и без лишних вопросов поставила «пятерку». Майя вылетела из аудитории как на крыльях. До заветного студенческого билета оставалось всего ничего — сочинение по литературе и история.

Но именно сочинение перечеркнуло ее надежды.

Темой досталась лирика Блока. Майя писала легко, вдохновенно, цитируя стихи наизусть. Она была уверена в себе на все сто процентов. И когда через два дня вывесили списки, она сначала не поверила своим глазам. Напротив ее фамилии красовалась жирная тройка — словно приговор.

Майя ворвалась в кабинет приемной комиссии, требуя показать работу. Ей нехотя выдали листок, испещренный красными чернилами. Там, где не было ни одной орфографической ошибки, жирной линией были подчеркнуты целые абзацы с пометкой на полях: «Недостаточно раскрыта тема. Стилистическая небрежность».

— Да вы посмотрите, здесь же нет ни одной ошибки! — голос Майи звенел от обиды и ярости, но она изо всех сил сдерживала слезы. — Я три года к этому готовилась!

Председатель комиссии, уставший мужчина в потной рубашке с коротким рукавом, даже не поднял на нее глаз:

— Девушка, оценка апелляции не подлежит. Конкурс двенадцать человек на место. Не добрали полбалла. Попробуйте на следующий год.

Выйдя на крыльцо института, Майя наткнулась взглядом на упитанную девицу с глуповатым лицом, которая, звонко смеясь, садилась в новенькую черную «Волгу» у самого входа. Вслед за ней из дверей вышел ее отец — вальяжный мужчина в малиновом пиджаке — и громко, на все крыльцо, сказал кому-то по радиотелефону: «Все, вопрос закрыли, пятерка за сочинение у нас в кармане». Майя узнала эту девицу:

два дня назад перед самым экзаменом по литературе она на полном серьезе спрашивала у соседки в коридоре, в каком веке жил Александр Блок.

Все стало понятно без слов. Блат. Новые времена принесли новые правила, в которых честный труд, репетиторы по средам и субботам и мамино перелицованное пальто не весили ровным счетом ничего.

Майя шла домой пешком через весь город. Жара давила на виски, но внутри было ледяное, звериное оцепенение. Слезы брызнули только в лифте, когда двери закрылись и она осталась одна.

На седьмом этаже ее уже ждала Инна. Подруга в этот же день сдала последний экзамен в Хабаровский фарминститут — прошла на провизора с запасом в три балла. Увидев белое, как мел, лицо Майи и дрожащие губы, Инна даже не стала ни о чем спрашивать. Она молча затащила подругу в свою квартиру, усадила на кухне и плеснула в стакан мутноватой жидкости из аптечного пузырька.

— Пей, — скомандовала Инна. — Пустырник с валерьянкой, сама настаивала. Убойная вещь.

Майя выпила залпом, закашлялась и вдруг уронила голову на руки. Плечи ее затряслись.

— Мама два года… на себе экономила, Инн… — всхлипывала она, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. — Она же верила… А меня просто вышвырнули, как котенка, ради какой-то дуры на «Волге»!

Инна села рядом, обняла подругу за плечи и жестко, совсем не по-девчоночьи, сказала:

— Запомни этот день, Майка. И рожу этой дуры на «Волге» запомни. Мы с тобой не в песочнице играем. Если в этом городе места под солнцем раздают только по блату и за деньги, значит, у нас будут и блат, и деньги. А дипломы… диплом ты у них еще купишь. Вместе с кафедрой.

Майя подняла голову. В ее взгляде, еще мокром от слез, медленно застывал холодный, жесткий блеск. Прежняя наивная десятиклассница умерла на ступеньках пединститута.

Глава 5

Приемная завода «Амурточмаш»

Август 1992 года. В приемной заместителя директора завода «Амурточмаш» пахло не французскими духами и не свежей типографской краской западных журналов, о которых Майя грезила, готовясь к инязу. Здесь пахло пережженным растворимым кофе «Пеле» из жестяной банки, едким дымом «Примы» и пыльными папками с надписью «Входящая корреспонденция».

Первые две недели после провала на экзаменах Майя прожила словно под толстым слоем речного льда — снаружи все двигалось и шумело, а внутри звенела глухая, онемевшая пустота. Она не плакала, но смотреть в глаза матери, которая делала вид, что ничего страшного не произошло, было невыносимо. И когда Светлана Николаевна осторожно предложила: «Дочка, у нашего замдиректора по снабжению, Бориса Петровича, секретарша в декрет ушла. Иди пересиди годик, а там снова поступать будешь», — Майя согласилась без споров. Сидеть на шее у матери, когда в магазинах ценники переписывали каждую неделю, было стыдно.

Так бывшая гордость школы и звезда ансамбля народного танца оказалась за обшарпанным полированным столом

с тяжелой, тихо гудящей электромеханической машинкой «Ятрань» и двумя телефонными аппаратами.

— Значит так, Майечка, — пробасил Борис Петрович, грузный мужчина с одышкой и вечно расстегнутым воротником рубашки, в первый же рабочий день. — Кофе мне варить не надо, я от него изжогой маюсь. Твоя задача — отшивать просителей, стучать на машинке акты сверки и никого ко мне без записи не пускать. Поняла?

— Поняла, Борис Петрович, — ровным голосом ответила Майя, расправляя юбку своего единственного строгого костюма.

Сначала ей казалось, что она попала в сонное царство. Но уже через неделю Майя поняла: заводская приемная — это не болото, а самый настоящий командный пункт дикого, нарождающегося капитализма.

Денег в стране не было. Предприятия не платили друг другу рублями — в ходу был бартер. Каждый день через приемную Майи проходили удивительные персонажи: ушлые снабженцы из Иркутска, меняющие лес на электродвигатели; мрачные парни в кожаных куртках на «девятках», предлагающие «решить вопросы с отгрузкой»; директора совхозов, готовые отдать три тонны свинины за партию заводских насосов.

Поначалу все шло наперекосяк. В первый же день Майя перепутала бланки накладных с актами взаимозачета и просидела над перепечаткой до восьми вечера, растирая онемев-

шие пальцы. На третьей неделе, пытаясь разобраться в бартерной схеме с лесом, она неверно посчитала транспортный тариф и едва не подставила замдиректора на пару миллионов рублей — хорошо, что старая бухгалтерша вовремя заметила описку и по-матерински пожурила ее: «Не торопись, девка, в цифрах спешка хуже воровства». Майя закусила губу, завела отдельный блокнот и с тех пор перепроверяла каждую строку по три раза.

По вечерам она брала домой старые подшивки деловой газеты «Коммерсантъ» и справочники по внешнеэкономической деятельности, пылившиеся в углу приемной, и до полуночи разбиралась в таможенных кодах, базисах поставки и валютных счетах. Ее цепкий ум постепенно схватывал схемы: кто кому должен, где на складах пылится неликвид и на чем люди в малиновых пиджаках делают состояния из воздуха.

— Слышь, куколка, скажи Петровичу, что Вася с базы приехал, он в курсе, — развязно бросил ей как-то один такой коммерсант в олимпийке «Адидас» и с толстой золотой цепью на шее, пытаясь без стука открыть дверь кабинета.

Майя даже не подняла головы от бумаг, только повела бровью и сухим, отточенным тоном ответила:

— Во-первых, я вам не куколка. Во-вторых, Борис Петрович сейчас на селекторном совещании с министерством. Запишитесь на четверг или оставьте коммерческое предложение. Следующий!

Коммерсант опешил, наткнувшись на ее спокойный, насмешливый взгляд, хмыкнул и попятился к стульям для посетителей.

Вечером на кухне Инна, выслушав рассказ подруги, хохотала до слез:

— Ну ты даешь, Майка! Настоящая церберша! Слушай, у нас в фарминституте тоже весело: старшекурсники спирт с кафедры тащат и коммерсантам в ларьки сдают. Вся страна торгует, одни мы с тобой как дуры честные.

— Ничего, Инн, — усмехнулась Майя, помешивая ложкой пустой чай. — Я уже поняла, как эта машина работает. Скоро и мы свою долю возьмем.

Глава 6

Операция «Китайский пуховик»

Случай представился в конце октября. В тот день на завод нагрянула делегация из китайского Харбина. Три невысоких китайца в одинаковых серых костюмах приехали выбивать старый долг: еще полгода назад «Амурточмаш» получил от них партию подшипников, а расплатиться не смог.

Борис Петрович метался по кабинету как раненый медведь. Штатный переводчик с китайского, старый китаист из торговой палаты, накануне ушел в глухой запой. Китайцы по-русски знали только «хорошо» и «давай-давай», а замдиректора по-китайски не знал ничего.

— Все, каюк! — стонал Борис Петрович, хватаясь за голову. — Они же сейчас скандал устроят, контракт разорвут! Где я им валюту возьму?!

Майя постучала в дверь, вошла и спокойно сказала:

— Борис Петрович, а по-английски они говорят? Обычно в Харбине коммерсанты английский знают. Давайте я попробую перевести.

Замдиректора посмотрел на свою восемнадцатилетнюю секретаршу как на спасительницу:

— Ты? По-английски? Давай, дочка, выручай! Премию

выпишу!

Выйдя в приемную за блокнотом, Майя на секунду прислонилась спиной к косяку. Ладони вдруг стали влажными, а в горле пересохло. Одно дело — читать Диккенса с репетитором, и совсем другое — вести коммерческие переговоры, от которых зависит заводской контракт. «А если у него акцент такой, что я ни слова не пойму? Вылечу с завода с позором», — мелькнула паническая мысль. Она глубоко вдохнула, одернула юбку и толкнула дверь кабинета.

Через пять минут Майя сидела за столом переговоров. Один из китайцев, господин Ли, действительно неплохо говорил по-английски, хоть и с сильным акцентом — первые пару минут Майе приходилось вслушиваться в каждое слово, переспрашивая и сверяясь со словарем в блокноте. Разговор шел туго: Борис Петрович разводил руками и твердил, что денег нет, а китаец хмурился и требовал оплату.

И тут в голове у Майи щелкнуло. Она вспомнила, что неделю назад печатала опись заводских складов, где мертвым грузом лежали два вагона дефицитных в Китае медных труб, а у самого господина Ли, как он обмолвился в начале беседы, в Харбине была своя швейная фабрика.

Майя на секунду замерла, сжимая ручку под столом. Если она сейчас скажет отсебятину и китаец не клюнет — обман раскроется через минуту, и Борис Петрович вышвырнет ее в три шеи. Сердце колотилось где-то у самого горла, но отступать было некуда. Не меняя серьезного, профессионального

выражения лица, она начала «переводить».

— Господин Ли говорит, — проникновенно обратилась она к Борису Петровичу, — что готов закрыть долг медными трубами со второго склада. Но при условии, что завод заберет у него в счет будущих поставок партию зимних пуховиков.

Борис Петрович аж подпрыгнул на стуле:

— Трубами?! Да забирайте хоть три вагона! А пуховики куда я дену?

— Рабочим вместо зарплаты выдадите, — не моргнув глазом подсказала Майя. — Зима на носу, а в магазинах пусто. Люди вам спасибо скажут.

Замдиректора просиял, ударил кулаком по столу и заорал: «Согласен!»

Майя повернулась к господину Ли и на чистейшем английском с милой улыбкой произнесла:

— Директор согласен отдать вам медные трубы по старой цене, что в два раза ниже рыночной. Но за эту уступку вы должны отгрузить нам пятьсот штук ваших лучших пуховиков в качестве дружеского бонуса.

Китаец на секунду замер, прикидывая выгоду от дешевой меди, и радостно закивал: «Окей! Очень хорошо!»

Господин Ли еще раз уточнил объем поставки и сроки, после чего стороны обменялись подписанными документами. Когда товар пришел в Хабаровск, Борис Петрович на радостях действительно выписал Майе премию — и разрешил

забрать десять пуховиков по символической себестоимости.

Но на этом операция не закончилась. Майя договорилась с китайцами напрямую — за свой «блестящий перевод» она выторговала себе еще двадцать шикарных пуховиков ярких расцветок в личный бонус. Продать их помогла Инна: через знакомую заведующую аптекой и студенток фарминститута товар разлетелся за три дня как горячие пирожки.

В первый ноябрьский вечер подруги сидели на кухне у Майи, пересчитывая пачку хрустящих рублевых купюр, которые Инна через знакомых валютчиков обменяла на несколько новеньких американских долларов. На часть этих денег Майя на следующий же день через знакомых фарцовщиков купила крошечный импортный кассетный диктофон размером с пачку сигарет — чтобы тренировать произношение и записывать английские тексты с радио, даже не подозревая, как скоро эта игрушка спасет ей жизнь.

— Маме сапоги завтра куплю, — тихо сказала Майя, глядя на деньги, и в глубине зрачков мелькнула хитрая усмешка. — Югославские, на танкетке. Как обещала.

— А я себе джинсы-варенки возьму! — восторженно выдохнула Инна, поднимая кружку с чаем. — Слушай, Майка, Остап Бендер рядом с тобой просто нервно курит в сторонке. Что дальше?

— А дальше, Инн, пора выходить в свет, — усмехнулась Майя. — Хватит в заводской приемной киснуть.

Глава 7

Двойная жизнь «дочери судовладельца»

Декабрь 1992 года пришел в Хабаровск с колючими трескучими морозами, ослепительно ярким зимним солнцем днем и густыми сизыми сумерками по вечерам, когда неоновые вывески первых кооперативных кафе загорались особенно дерзко и заманчиво.

— Повернись-ка, — скомандовала Инна, прищурившись, как художник перед холстом. — Обалдеть. Если бы я не знала, что ты утром стучала по клавишам в приемной «Амурточмаша», я бы сама у тебя автограф попросила.

Майя брызнула на запястья французскими духами «Клима» — трофеем, добытым Инной через знакомую заведующую аптечным складом в обмен на два китайских пуховика, — и тонкий, горьковато-цветочный шлейф мгновенно вытеснил из комнаты на седьмом этаже привычный дух сушеных трав и книжной пыли. Майя смотрела на себя в старое мамино трюмо и почти не узнавала отражение. Вместо скромной секретарши в строгой юбке на нее глядела роковая незнакомка: облегающее черное платье с открытыми плеча-

ми, нитка крупного искусственного жемчуга на смуглой шее, высокая, гордая посадка головы и тяжелая каштановая грива, уложенная мягкими волнами до самых лопаток.

— Тетя Света точно до утра на ночной смене? — на всякий случай уточнила Инна, натягивая ультрамодный свитер с люрексом и лосины. — А то вернется раньше времени, и прикроется наша светская вылазка медным тазом.

— Железно, — успокоила ее Майя, аккуратно подводя глаза черным карандашом. — У них в сборочном срочный заказ горит, она сама перед сменой предупредила.

— Отлично. Повторяем легенду. Кто мы?

— Я — Майя, приехала из Владивостока погостить к двоюродной сестре, — чеканя каждое слово, как на экзамене по английскому, произнесла она. — Отец занимается морскими перевозками, гоняет сухогрузы в Японию и Пусан. В Хабаровске присматриваю, куда вложить свободный капитал.

— Умница! — восхитилась Инна. — А я твоя хабаровская кузина, без пяти минут провизор и светская львица. Погнали, нас ждет «Метелица»!

Кафе «Метелица» неподалеку от площади Ленина в ту зиму считалось главным местом сбора хабаровской «золотой молодежи». Сюда слетались старшекурсники престижного ХИНХа, дети первых кооператоров, чиновников и цеховиков. Внутри гремела модная музыка, воздух был густым от дыма дорогих сигарет «Мальборо» и запаха импортного ликера «Амаретто».

Когда Майя и Инна вошли в зал, несколько голов за дальним, самым большим столиком у окна повернулись в их сторону. Майя шла между столиками той самой плавной, пружинистой походкой, которую десять лет оттачивала у балетного станка — ни тени суеты, ни грамма стеснения, только ленивое, чуть скучающее любопытство королевы, заглянувшей на провинциальный бал.

За центральным столом сидела компания парней в кашемировых свитерах и кожаных пиджаках. Выделялся среди них один — высокий, плечистый парень с темными, чуть вьющимися волосами, резкими, породистыми чертами лица и насмешливым взглядом серых глаз. Он лениво крутил в пальцах брелок от праворульной «Тойоты» и с явным превосходством оглядывал зал.

Увидев Майю, парень замер. Его насмешливая ухмылка на секунду сползла с лица, сменившись искренним, хищным интересом.

— Ого, — негромко свистнул его приятель, толстый парень с золотой печаткой на пальце. — Артем, гляди, какой бриллиант занесло. Не местная вроде.

Артем Волков, двадцатиод

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.